

И. ФИЛЕВИЧЪ.

ИСТОРИА
ДРЕВНЕЙ РУСИ.

ТОМЪ I.

Территорія и населеніе.

ВАРШАВА.

Въ типографіи Франца Черпака,
Краковское Предмѣстье № 6.

1896.

Filevich, I. P.

И. ФИЛЕВИЧЪ.

ИСТОРИА ДРЕВНЕЙ РУСИ.

ТОМЪ I.

Территорія и населеніе.

ВАРШАВА.

Въ типографіи Франца Чернака,

Краковское Предмѣстье № 6.

1896.

Ул

A. S. 29

~~A 9/13~~

204799

129

Filevich, I. P.

И. ФИЛЕВИЧЪ.

ИСТОРИА

ДРЕВНЕЙ РУСИ.

ТОМЪ I.

Территорія и населеніе.

ВАРШАВА.

ВЪ ТИПОГРАФИИ ФРАНЦА ЧЕРНАБА,

Краковское Предмѣстье № 6.

1896.

Ул

~~1434~~ 144
A. S. 28
A 9/13
204799

129

C845

DK71

F52

V.1

*Печатано по опредѣленію Совѣта Императорскаго
Варшавскаго Университета.*

Ректоръ П. Новалевскій.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Историческое изложеніе жизни русскаго народа представляет одно существенное отличіе отъ историческаго изложенія жизни другихъ европейскихъ народовъ: оно не обнимаетъ содержанія жизни всего русскаго народа. Этотъ недочетъ обнаруживается не только въ изложеніи извѣстнаго періода русской исторіи, а характеризуетъ ее всю отъ начала и до сего дня.

Этотъ особенный характеръ историческаго изложенія русской жизни не можетъ быть объясняемъ многочисленностью русскаго народа и необъятностью его территоріи, ибо это — явленіе не новое: не только теперь, но уже въ XII в. Русь представляла цѣлый особый міръ (*quasi alter orbis*), а родъ русскій, по своей многочисленности, уподоблялся звѣздамъ. Были особыя обстоятельства, обусловившія этотъ исключительный характеръ историческаго изложенія русской жизни. Считаемо уместнымъ вкратцѣ указать на нихъ.

Въ исторической жизни славяно-русскаго міра вторая половина XIV в. составляетъ эпоху въ полномъ смыслѣ слова. Удары стени, подмывавшей съ незапамятныхъ временъ устой русской жизни, обрушиваются въ это время на болгарское и сербское славянство, съ которымъ древняя Русь была въ самыхъ близкихъ сношеніяхъ. Къ этому присоединяются чувствительные удары и на другихъ пунктахъ. Время угорскихъ Анжуйцевъ — особенно Людовика — озна-

меновано полнымъ переломомъ во внутреннемъ строѣ жизни угорскаго государства, въ ущербъ тѣмъ славянскимъ началамъ, на которыхъ этотъ строй покоился въ прежнее время. Такимъ же характеромъ отличается и время Казимира польскаго. Оба эти государя, нерѣдко называемые Великими, соединенными силами открываютъ наступленіе на сосѣднее съ ихъ владѣніями русское покарпатье. Благодаря этому, карпатскіи окраины русскаго міра окончательно отрываются отъ своего цѣлаго и подвергаются усиленному воздѣйствію чуждыхъ началъ, воплѣ восторжествовавшихъ въ Польшѣ и Угріи. Въ то же время литовско-русскій государь Ягайло связываетъ свое государство съ Польшей. На широкомъ пространствѣ западно-русскихъ земель начинается вліяніе католицизма и нѣмецкаго права, съ теченіемъ времени значительно измѣнившихъ духовный и общественный складъ жизни этихъ земель.

Всѣ указаннныя обстоятельства окончательно довершаютъ тотъ погромъ, какой былъ нанесенъ русскому міру Татарами; они окончательно нарушаютъ его цѣлостность, прекращаютъ возможность болѣе или менѣе свободнаго обмена и взаимодѣйствія отдѣльныхъ его частей и — что, быть можетъ, еще хуже — вносятъ въ него начала духовнаго раздвоенія. Такимъ образомъ, конецъ XIV в. проводитъ въ исторіи русской жизни рѣзкую грань. Значительная часть русскаго міра теряетъ самостоятельность, и слѣдовательно, *перестаетъ быть самоопредѣляющеюся частью славяно-русскаго цѣлаго.*

Дальнѣйшая историческая жизнь этой несамостоятельной Руси опредѣляется уже обстоятельствами и воздѣйствіями извнѣ. Потерявъ возможность естественнаго развитія и роста, эта жизнь, въ смыслѣ *русской исторической жизни* все болѣе и болѣе суживается въ своихъ рамкахъ, такъ сказать, уходитъ въ корни, ограничиваясь въ концѣ концовъ кругомъ одного народа, то есть простонародья. Верхи общественнаго организма, которыми жизнь движется и направляется, измѣняютъ русскимъ началамъ, переходятъ въ чужой лагерь.

Лишь сѣверо-восточная часть славяно-русскаго міра сохранила прежнюю самостоятельность. Оставшись, благодаря географическому положенію, свободной отъ чуждыхъ, подавляющихъ вліяній, она не испытала и естественнаго ихъ слѣдствія — гибельнаго раздвоенія и взаимнаго отчужденія составныхъ частей своего народнаго организма. Какъ будто во вниманіе къ тому, что произошло на старыхъ русскихъ займищахъ, эта самостоятельная часть русскаго славянства передвигаетъ свой центръ на 200 верстъ съ сѣвера на юго-западъ: изъ Владиміра въ Москву, и въ то же самое десятилѣтіе XIV вѣка, когда вся западная часть русскаго міра окончательно теритъ возможность дальнѣйшаго свободнаго развитія, а болгарское и сербское славянство падаетъ на Коссовомъ полѣ подъ ударами турецкихъ степняковъ, Москва на Куликовомъ полѣ наноситъ грозное пораженіе другимъ степнякамъ — Татарамъ.

Побѣда Москвы естественно обращаетъ на нее вниманіе всей остальной несвободной Руси. Москва получаетъ значеніе центра, на которомъ только и могли сосредоточиться надежды русскаго міра, *ибо только здѣсь и осталась возможность свободнаго славяно-русскаго самоопредѣленія и вполне самостоятельнаго развитія*. Неудивительно поэтому, что сюда именно склонилась обще-русская тяга. Эта тяга перенесла сюда и литературные памятники, и то добро, какое можно было перенести, и завѣтные преданія о старыхъ займищахъ. На далекомъ русскомъ сѣверѣ и повинѣ поютъ „о славномъ Волинцѣ городѣ, красномъ Галичѣ, о князѣ Романѣ Митріевичѣ“, о борьбѣ съ степнымъ Змѣемъ-Горынычемъ, о Владимірѣ Красномъ Солнышкѣ, о тихомъ, синемъ Дунаѣ...

Но какъ бы ни было полно перенесеніе стараго на новую почву, не все, конечно, могло быть перенесено. Съ другой стороны, не можетъ подлежать сомнѣнію, что Московская Русь, представляя лишь часть русскаго міра, по условіямъ своей исторической обстановки, была въ многихъ отношеніяхъ отлична отъ другихъ частей этого міра. Перенесенное на новую почву должно было естественно

подвергаться ея вліянню, иногда въ значительной степени измѣнять свой первообразъ. Между тѣмъ историческія обстоятельства сложились такъ, что эта часть выступила—да только она и могла выступить—въ роли цѣлаго. Уже подъ конецъ XV вѣка Московская Русь стала „всею Русью“. Это обозначеніе было прежде всего выраженіемъ историческихъ правъ Москвы (такъ и понимали его въ Польшѣ); но права эти обусловливались какъ тѣмъ, что только Московская Русь сохранила возможность самостоятельнаго русскаго самоопредѣленія, такъ и тѣмъ, что на московской почвѣ дѣйствительно собирались понемногу элементы „всѣя Руси“.

Собственно говоря, эти элементы всегда выводили Москву изъ областнаго равновѣсія. Они являлись въ Москвѣ нагляднымъ показателемъ ея общерусскихъ задачъ и такимъ образомъ подвигали ее на общерусское дѣло. Въ свою очередь, эти элементы, въ силу естественныхъ условій, должны были подвергаться московской переработкѣ, и вотъ почему освобождая потомъ старую подневольную Русь, Москва нерѣдко заставляла ее выравниваться съ собой иногда даже въ коренныхъ историческихъ древне-русскихъ особенностяхъ. Благодаря этому, дальнѣйшая историческая жизнь русскаго народа складывалась все болѣе и болѣе по риторической фигурѣ: *pars pro toto*.

Совершенно естественно, что та же риторическая фигура повторилась и въ историческомъ изложеніи русской жизни. Содержаніе этого изложенія далеко не соответствуетъ дѣйствительному объему и содержанію русской исторической жизни. Въ частности, это несоотвѣтствіе особенно чувствительно въ исторіи древней Руси.

Исторія цѣлой территоріи, особенно близкой и памятной древне-русскимъ преданіямъ, письменно закрѣпленнымъ въ начальной „Повѣсти о русской землѣ“, до сихъ поръ не включена въ историческое изложеніе древне-русской жизни. Понятно, что такое исключеніе цѣлой части древне-русской земли изъ историческаго изложенія древне-русской жизни самымъ существеннымъ обра-

зомъ вліяеть на историческое освѣщеніе всей нашей древности. Восполнить, по мѣрѣ силъ, этотъ чувствительный пробѣлъ — вотъ задача „Исторіи древней Руси“, первый томъ которой предлагается благосклонному вниманію читателей.

Подъ „древней Русью“ мы разумѣемъ ту часть славянскаго цѣлаго, съ которою русское имя, *какъ обозначеніе земли и народа*, было наиболѣе крѣпко связано съ самого начала исторической эпохи. Въ этомъ случаѣ древняя Русь представляетъ для насъ фактъ этнографическій, какъ коллективное обозначеніе извѣстной части славянскихъ колѣнъ. Определить объемъ этой части и взаимное отношеніе составлявшихъ ее элементовъ — вотъ задача изслѣдованія, предлагаемаго въ настоящемъ вводномъ томѣ.

Этимъ изслѣдованіемъ мы имѣемъ въ виду подготовить определенную почву для дальнѣйшаго историческаго изложенія, которое мы предполагаемъ довести до обозначенной выше грани — до конца XIV вѣка. Такимъ образомъ, несмотря на видимо общее заглавіе, наша работа не выходитъ изъ круга тѣхъ монографическихъ изслѣдованій, какія определяются общимъ состояніемъ современной науки, вынужденной пока ограничиться лишь частными сводами по исторіи русскаго цѣлаго.

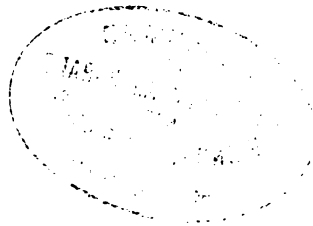
Дальнѣйшее подробное изложеніе исторической жизни древней Руси внесетъ, безъ сомнѣнія, поправки въ содержаніе настоящаго тома. Мы позволяемъ себѣ питать надежду, что предпринятый нами трудъ будетъ завершенъ, и что тогда окажется возможность „возвратиться на первое“, т. е. переработать настоящее введеніе, сообразно той суммѣ данныхъ, какую укажетъ намъ дальнѣйшая разработка предмета.

Въ заключеніе считаю пріятнымъ долгомъ выразить глубокую благодарность учрежденіямъ и лицамъ, оказавшимъ мнѣ разное содѣйствіе: Императорской Академіи Наукъ, доставившей мнѣ возможность совершить лѣтомъ 1895 г. путешествіе по карнатскимъ землямъ; генералу А. К. Пузыревскому, предоставившему въ мое распоряженіе подробныя геогра-

фическія карты; акад. И. В. Ягичу за разные совѣты и указанія; профф.: А. А. Кочубинскому, I. Пичу (Прага), Фр. Пастрнеку (Вѣна), П. А. Кулаковскому, Г. Э. Зенгеру за разные указанія и совѣты; чиновнику архива М-ва Вн. Дѣлъ въ Буда-Пештѣ г. К. Тагани за весьма цѣнныя указанія, а равно начальству этого архива за его истинно просвѣщенную любезность; бібліотекарю Императорской фамильной бібліотеки въ Вѣнѣ г. А. Годинѣ; начальнику архива „саксонской націи“ въ Цыбинѣ (Германштадтѣ) г. Фр. Циммерману и канонику Молдовану въ Блажѣ (Блазендорфѣ), за ихъ содѣйствіе какъ въ архивныхъ поискахъ, такъ и въ поѣздкахъ во время путешествія; добрымъ друзьямъ въ Словачинѣ и Угорской Руси, особенно одному изъ нихъ, обозначившему на церковныхъ схематизмахъ мѣстныя народныя названія поселеній; наконецъ Е. В. Филевичъ за помощь при чтеніи корректуръ и особенно географическихъ картъ.

Авторъ.

Варшава, 29 февраля 1896.

ПАМЯТИ

Н. И. НАДЕЖДИНА.

Задача и методъ изслѣдованія.

I.

Вопросъ о русскомъ имени и о русскомъ племени на Карпатахъ имѣетъ въ наукѣ свою исторію. Одновременно съ формулировкой норманизма у насъ, угорскіе ученые утверждали старобытность русскаго племени въ предѣлахъ нынѣшней Угрии, какъ на Карпатахъ, такъ и за Карпатами. М. Бѣль и А. Сирмай не питали никакихъ сомнѣній насчетъ старобытности русскаго племени въ нынѣшней такъ наз. Угорской Руси, считали ея жителей остатками древнѣйшихъ обитателей страны. И Бѣль, и Сирмай выражаются на ученомъ языкѣ своего времени, и потому Сарматы и Роксоланы играютъ у нихъ въ данномъ случаѣ главную роль. Но для насъ важны взгляды этихъ ученыхъ, отражавшіе, очевидно, мнѣніе, установившееся въ жизни и не противорѣчившее тогдашней наукѣ ¹⁾. Но старше

¹⁾ Вотъ что говоритъ *Сирмай* въ описаніи Угочскаго комитата: „invaluerunt iterum (послѣ Генидовъ) partim Sarmatae, partim Russi, quos Hunni atque Avari in deditionem acceptos tenuerunt intemeratos... Hodie Hungari potissimum, post hos Russi et Valachi regione potiuntur. Singulis nationibus sui sunt mores institutaque... Rutheni quidem Roxolanorum seu Russo-rum sunt reliquiae, sed Valachos recentiori aetate a principibus Transylvaniae, quum istis partibus Hungariae imperitabant huc deductos et in tribus vicis Batares, Sösujfalu, Nagy et Kis Gercze collocatos accepimus.” *Miscellanea ad historiam ctus Ugotsensis, Пештск. муз. fol. lat. Nr. 308.* Тоже Бѣль: „Colunt regionem